

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

А.Н. Соколов*, И.И. Балаклеец**

«Правовая культура» фашистской формации (Германия 1933–1945 гг.)

Российская юридическая доктрина, которая доминирует у нас после краха тоталитаризма в СССР, среди целого ряда прогрессивных демократических новаций предусматривает и основательное изучение (в том числе и в прикладных целях) теории и практики государства и права не только отечественной формации, но и зарубежной, в качестве одного из фундаментальных элементов правовой культуры. А правовая культура, как известно, — это неперенный атрибут современного общества, один из видов его идейно-нравственного и правового состояния¹.

Оценка понятия правовой культуры связана не только с уровнем правового прогресса той или иной цивилизации, но и с пониманием выбора правового пути, по которому шло развитие каждой из культур. На выбор того или иного пути влияли политические, идеологические и другие факторы. Естественно, что правовая культура принадлежит к конкретному этапу исторического развития общества, права и государства. Она объединяет такие понятия, как право, правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, правомерное поведение, правовые учреждения, обеспечивающие правовой контроль регулирования и признания обществом всего многообразия правовых ценностей.

В современных условиях в ряде европейских стран: — Германии, Франции и некоторых других — все выше голову поднимают праворадикальные силы неофашистской формации. Есть проявления неофашизма и праворадикального экстремизма и в России — РНЕ и нацболы Э. Лимонова. Причем анализ и правовой базы, и практики действия неофашистов различного толка свидетельствует о том, что многое используется ими из старого фашистского арсенала.

Все это побуждает обратиться к аспектам развития юриспруденции, в том числе и к правоприменению, и к правотолкованию, в конце Веймарской республики и в период фашистской Германии 1933–1945 гг.

Путь развития теории государства и права в эпоху Веймарской республики — это путь вытеснения парламента, удушения политической жизни, последовательного выключения политических партий из политической жизни и одностороннего переноса центра тяжести на государственный ап-

* Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Калининградского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН.

** Соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин Калининградского юридического института МВД России.

¹ См.: Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.С. Мордовца и В.Н. Синюкова. М., 2005. С. 180 (автор гл. 10 — П.В. Анисимов).

парат: юстицию, правительство и администрацию на местах². Это путь к бонапартизму, путь к диктатуре. При этом теория шла рука об руку с практикой: частично она даже отставала от нее, фиксируя зачастую как прецеденты случившиеся факты, и в результате оказалась в положении, когда пришлось констатировать наступление подготавливаемой фашистской диктатуры как «логически» необходимый и естественный этап государственного развития.

Одним из «придворных» теоретиков, вовремя подававшим в духе времени требуемое реакцией «юридическое меню», был К. Шмит. В своей рукописи, вышедшей из печати в 1927 г. под названием «Понятие политического», он ввел в научный и общественно-политический оборот поляризующее понятие «друг-враг». Как никто другой он способствовал тем самым насаждению в общественном мышлении консервативного понимания политики по принципу: «Кто не с нами, тот против нас». Это широко используется сегодня правыми радикальными силами в ряде стран Европы.

Таким образом, по мнению К. Шмита, «специфичность принятия политического решения, на которое должны опираться политические действия и мотивы, заключается в четком разделении понятий “друг-враг”». К. Шмит обосновывает далее, что с таким «чужим, врагом» в случае конфликта следует обходиться, не опираясь никоим образом ни на закон, ни на приговор суда³.

Согласно «учению» К. Шмита понятия «друг», «враг» и «борьба» обретали их реальный смысл в результате того, что они подводили к пониманию реальной возможности физического уничтожения противника. К слову сказать, это не явилось теоретической находкой К. Шмита: он просто обосновал теоретически то, что требовалось антидемократическим, антиреспубликанским силам. Судьи мгновенно использовали эту теоретическую новацию, чтобы устранить великое завоевание юстиции XIX в. — различие между понятиями «оппозиция» и «государственная измена».

Следующим грубейшим попранием права была концепция известного германского юриста Г. Еллинека, которая содержала конструкцию «о необходимой обороне государства» или «о чрезвычайном положении государства»⁴. По представлениям Г. Еллинека, наличие конструкций «о необходимой обороне государства» или «о чрезвычайном положении государства» свидетельствует «только о другом выражении мысли, о том, что власть стоит впереди права». Германские суды тут же взяли это на «вооружение», вплоть до Верховного суда, который принципиально признал, что «наличие факта нахождения государства в чрезвычайных условиях (многого факта. — прим. А.С. и И.Б.) может оправдывать нарушения законов». Суды того времени провели тысячи процессов против пацифистов и республиканцев по надуманному обвинению «в государственной измене». Характерно при этом, что каждый год в Веймарской республике за «государственную измену» было осуждено вдвое больше людей, чем за все 32 года до начала Первой мировой войны⁵. Известный ученый, профессор

² См.: Соколов А.Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград, 2002. С. 73.

³ См.: Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Neuaufgabe, 1963. S. 27, 31.

⁴ Jellinek G. Allgemeine Staatslehre, 3. Aufl., 1930. S. 359.

⁵ См.: Gumbel E.J. Landesverratsstatistik. In: Die Justiz, Bd. 3. 1927/28 S. 386 f.

права из г. Франкфурта Г. Зинцгеймер назвал такую практику Верховного суда и иных судов «принципиальной чудовищностью», «подобное решение суда не потрясает правопорядок, для защиты которого он призван — он его разрушает полностью...»⁶.

Вскоре и связанность судьи законом (принцип правового государства) стала серьезно мешать консервативному бюрократическому аппарату в том аспекте, чтобы переломить принцип правового государства — равновесие сил — в пользу господствовавших классов. В связи с этим в различных доктринах о государстве и праве стали все более напористо проявляться «новые подходы». В частности, еще в 1924 г. преподаватель уголовного права из г. Берлина процессуалист Д. Гольдшмит поставил вопрос о возможности судьи не быть связанным законом, который, по его мнению, противоречит конституции⁷. Он первым в правосудии выступил против того, чтобы были признаны легитимными законы (а это стало нормой на основе Веймарской конституции) только на том основании, что они приняты большинством членов парламента, достаточным для изменения конституции, не меняя, однако, самой конституции.

Государственный аппарат, консолидируя таких теоретиков, как Д. Гольдшмит, Г. Еллинек, Г. Трипель и др., спустя несколько лет смог их усилиями изменить статус-кво. Большинство голосов члены объединения германских государствоведов высказались «за право суда на ревизию законов в плане проверки их соответствия конституции». Так были одобрены тенденции в правосудии, осуществляемом высшими немецкими судьями⁸.

Крайне негативную роль в развитии этого процесса сыграл Верховный суд Веймарской республики. Свою позицию в отношении компетенции судов по ревизии парламентских законов он публично сформировал в 1925 г. «Поскольку имперская конституция ... сама не содержит никаких положений, согласно которым решение о конституционности имперских законов (республиканских законов. — прим. А.С. и И.Б.) было бы отнято у судов и согласно которым оно не передано каким-либо другим инстанциям, — говорилось в заключении этого суда, — постольку должно признаваться право и обязанность суда проверять конституционность имперских законов»⁹.

Тем самым, по оценке демократических юристов, имперский суд, узурпировав право проверки законов, принятых парламентом, конституировал себя в качестве второй палаты парламента Веймарской республики, в результате чего произошло фундаментальное преобразование конституции¹⁰.

Фактически таким образом была создана как тормозной блок демократическим, прогрессивным законам верхняя палата парламента Германии (рейхстага), которая была укомплектована исключительно высокообразованными юристами-профессионалами. Отныне парламентские законы стали иметь лишь условную действительность, определяемую необходимостью ее легитимации органами правосудия. Тем самым юстиция

⁶ *Sinzheimer H.* Die Legalisierung des politischen Mordes. In: Die Justiz. Bd. 5. 1929/30. S. 69.

⁷ См.: *Gesetzdämmerung JW*, 1924. S. 245 ff.

⁸ См.: *Bruggemann D.* Die Rechtssprechende Gewalt. Berlin, 1962. S. 22.

⁹ *Entscheidungen des Reichsgerichts in Zivilsachen*, Band 111. S. 382.

¹⁰ См.: *Polak K.* Die Weimarer Verfassung. Ihre Errungenschaften und Mängel. Berlin, 1948. S. 49.

присвоила себе право на абсолютное вето и превратила фактически себя в политически роковой антипод народному представительству. В результате подобной трансформации конституции страны был грубо нарушен институт разделения ветвей государственной власти, права и закона, произошёл разлад в конституционной жизни Веймарской республики, который обусловил тем самым в определенной степени трагические последствия для всего народа Германии.

С другой стороны, существовала практика судов Веймарской республики в отношении чрезвычайных указов и декретов рейхспрезидента и президентских правительств. Несмотря на их явную реакционность, антидемократизм и антиреспубликанизм, антинародность, суды не проверяли их на предмет соответствия конституции. Тем самым все более отчетливо вырисовывалась политическая юстиция, которая создавала себе публичную правовую основу, чтобы взять сначала под «опеку» народное представительство, а затем до основания развалить правовое государство в угоду рвущемуся к власти национал-социалистическому режиму. Прав был известный юрист того времени Г. Радбрух, когда писал: «После невообразимых потрясений наше обновленное государство борется за свой авторитет. Верят ли, что укрепляют этот авторитет, когда государственную власть не то чтобы делят, а наоборот, буквально расчлениают, заменяя при этом законодательную власть судебной? Из этого легко может развиться вызывающая гнев игра в виде ожесточенной борьбы властей государства... При этом самый большой ущерб взяла бы на себя юстиция»¹¹.

Отношение юстиции в эпоху Веймарской республики к самой республике, к демократическому движению, к гарантированным конституцией основным правам человека и гражданина было самым негативным. Это самые трагические страницы республики: орган, призванный осуществлять конституционную законность, сам грубо попирает эту законность.

Большинство немецких судей злоупотребляли своей судебной независимостью для того, чтобы скрыто и открыто осуществлять правосудие, враждебное республике, прогрессивным политическим движениям. Как свидетельствуют многочисленные документы, публикации, очевидцы времен Веймарской республики, юстиция, не стесняясь, откровенно демонстрировала свой антикоммунистический, антидемократический, антисемитский и антиреспубликанский характер. С другой стороны, судебная практика оправдывала «осуждение» правых (особенно преступления женщины и национал-социализма), позволяла уже весьма отчетливо понять близость юстиции к этим силам.

С приходом к власти национал-социалисты прекрасно понимали, почему они должны дать больше пространства перевоспитанию и воспитанию юристов. «Не реформа юстиции, а реформа юристов, — отмечал в связи с этим К. Шмит. — Если и дальше должно продолжаться свое существование независимое правосудие и несмотря на это, все же не может иметь место механическая или автоматическая связанность судьи ранее принятыми нормами, то все зависит от вида и типа наших судей и чиновников. Никогда вопрос «как судить?» не имел такого решающего значения как сегодня»¹². А министр пропаганды Й. Геббельс несколько позже

¹¹ Die Justiz (Zeitschrift für Erneuerung des deutschen Rechtswesens). Bd. 1. S. 14.

¹² Соколов А.Н. Указ. соч. С. 102.

выразил эту же мысль: «Исходить не из закона, а из принципа — долой этого человека»¹³.

«Реформа юристов» началась фактически с вступлением в юридическую силу 7 апреля 1933 г. Закона о восстановлении профессионального чиновничества. Этот закон ликвидировал прочное правовое положение судьи, так как предоставил правительству возможность увольнять всех судей, которые не соответствовали своему статусу «политически» или были «не арийцами», а равно от которых в будущем нельзя было ожидать «выступления в любое время и без оглядки за национальное государство». Но и без подобных обоснований судьи могли быть удалены со своей службы, «если для этого в действующем праве не было даже требуемых предпосылок»¹⁴.

Германская правовая наука разъяснила судьям, оставшимся после «чистки» 7 апреля 1933 г., что независимости правосудия «в интересах единого государственного руководства должны быть положены определенные границы»¹⁵, а это означает, что всеобщая связанность судьи законом сегодня трактуется по-иному, чем ранее¹⁶, так как «мы ищем такую связанность, которая надежнее, жизненнее и глубже, чем обманчивая связанность путем запутанных норм тысячи параграфов»¹⁷.

В соответствии с этими постулатами общей теории права нацизма в будущем правосудие вершить должен тот, «кто живет в своем народе, ощущает мир вместе со своим народом и ищет права там, где находится его источник, т.е. в свободном внутреннем чувстве народа»¹⁸; кто в соответствии со своим внутренним сознанием участвует в правотворческом сообществе и неразрывно принадлежит к нему¹⁹, а также действует в осознании единства чувств и желаний своих соотечественников-товарищей по праву»²⁰.

Работа судьи, согласно нацистской теории права, «должна быть ограничена не произволом и не формально-абстрактным принципом правовой безопасности, а напротив — твердой линией отраженных сегодня в законе и олицетворенных фюрером правовых воззрений народа, которая устанавливает там, где это необходимо свои границы».

«Абстрактно-нормативное мышление» появилось, по мнению нацистских теоретиков права, как «выражение беспомощности, потери корней происхождения и изнеженности»²¹. При принятии решения новый суд «должен действовать не на основе аналитического исследования состава преступления, а на основе рассмотрения конкретно сущности деяния в целом»²². Традиционное рассмотрение юристами обстоятельства дела путем

¹³ Соколов А.Н. Указ. соч. С. 20.

¹⁴ 1 Abs. 1 des Gesetzes.

¹⁵ См.: Kern E. Grenzen der richterlichen Unabhängigkeit. In: ARSP. Bd. XXVII, 1933/34. S. 309.

¹⁶ См.: Wolf E. Das Rechtsideal des nationalsozialistischen Staates. In: ARSP. Bd. XXVIII. S. 349.

¹⁷ Schmitt C. Staat, Bewegung, Volk. 1933. S. 46.

¹⁸ Niethammer E. Das Reichsgericht als Schrittmacher der Entwicklung des Strafverfahrens nach geltendem Recht und in Zukunft. In: DSTR, 1937. S. 135.

¹⁹ Schmitt C. Staat, Bewegung, Volk... a.a.o. S. 46.

²⁰ Wolf E. Das Rechtsideal... a.a.o. S. 351.

²¹ Ibid.

²² Schaffstein F. Das Verbrechen als Pflichtverletzung. In G. Dahm u.a.: Grundfragen der neuen Rechtswissenschaft, 1935. S. 120.

деления его на стадии нацисты отвергли. По их установке новое право не могло быть понято только лишь разумом, наоборот, оно должно быть прочувствовано и осознано на собственном опыте как соотечественником в тесной связи с народом²³. Судья поэтому должен с чувством «здорового предубеждения» подходить к каждому делу и «принимать приговоры такой ценности, которые бы соответствовали национал-социалистическому правопорядку и воле политического руководства»²⁴. Аналогичное обоснование подводилось и под умозаключение, что судьям нечего бояться судебной ошибки. Один из теоретиков нового поколения правоведов Э. Вольф в своем призыве к судейскому сословию подчеркивал в связи с этим: «В буднях правовой жизни истинный национал-социализм скорее всего найдешь там, где идеи фюрера следуют безоговорочно и преданно»²⁵.

«Освобождение» судьи от связанности законом своими последствиями имело в конце концов несоразмерную с вышеназванным более узкую «связанность руководящими принципами фюрерского государства»²⁶, «судья стал непосредственным помощником государства»²⁷. А председатель пресловутого «народного суда» Р. Фрайслер пошел еще дальше, заявив, что «закон — это сдержанное дыхание жизни..., а хранитель права должен быть солдатом на фронте народной жизни»²⁸.

В целом полемика национал-политической правовой науки была направлена не только против любой гуманизации уголовного права, но и против принципов правового государства, прежде всего против принципа «нет закона — нет наказания». В этом фундаментальном принципе были закреплены такие ограничения уголовного государственного преследования, как: 1) запрет обратной силы закона; 2) запрет аналогии права и закона в уголовном праве; 3) требование четкости определения уголовного закона; 4) монополия на уголовное судопроизводство только независимой юстицией.

Все эти фундаментальные принципы права в Третьем рейхе были разрушены. Так, запрет обратной силы закона в уголовном праве был отменен при помощи Закона от 29 марта 1933 г. «О порядке назначения и исполнения смертной казни». В последующем отказ от запрета обратной силы закона был закреплен еще более чем в 20 других законах и декретах нацистского периода²⁹.

С введением «защитного ареста», назначением которого могла заниматься только полиция, была ликвидирована монополия правосудия судов, т.е. принятие санкций уголовного наказания было дано в законном порядке не судебной власти («защитный арест» полицией политических преступников от «народного гнева»).

²³ См.: *Lange H.* Generalklauseln und neues Recht. In: *IW*, 1933. S. 285.

²⁴ *Dahm G.* Das Ermessen des Richters im national-sozialistischen Strafrecht. In *DRIZ*, 1934. S. 90.

²⁵ *Wolf E.* Das Rechtsideal... a.a.o. S. 348.

²⁶ *Rohling.* Stellung und Aufgabe des Staatsanwalts im Künftigen Strafverfahren. In: *DRIZ*, 1935. S. 1348.

²⁷ Richterbrief Nr. 1, abgedruckt bei H. Boberach (Hrsg): *Richterbriefe*, 1975. S. 6.

²⁸ *Gürtner F., Freisler. R.* Das neue Strafrecht, 1936. S. 143.

²⁹ См.: *Naucke W.* Die Aufhebung des Strafrechtlichen Analogieverbots. In *M. Broszat* u.a. *NS-Recht in Historischer Perspektive*, 1981. S. 87. *RGBL*, I. S. 151.

Запрет аналогии права и закона в уголовном судопроизводстве был отменен в июне 1935 г. в результате новой формулировки параграфа 2 Уголовного кодекса: «Подлежит наказанию тот, кто совершает деяние, которое предусмотрено законом или заслуживает наказания согласно основным началам уголовного закона и здорового чувства народа»³⁰. Данная новелла «развязала руки» судьям.

Ни одна отрасль права не была пощажена от массового проникновения национал-социализма, даже такие неполитические отрасли, как жилищное право, торговое право и промысловое право. Однако больше всего новые тенденции нацистской юриспруденции затронули уголовное право. Так, в эпоху Просвещения усилия науки уголовного права были направлены на то, чтобы четко определить границы между наказуемым и ненаказуемым, что и было предметно сделано. В период же третьего рейха профессора уголовного права видели свою задачу в том, чтобы как можно больше «размыть» границы между наказуемым и ненаказуемым, чтобы их вообще нельзя было определить. Главной задачей и целью уголовного права было «защитить единый германский народ от преступника». Поэтому принцип правового государства — «нет закона — нет наказания» — должен уступить место новому принципу: «Ни одно преступление без наказания», что является «более высокой и более мощной по своей силе истиной в праве» (К. Шмит)³¹. Согласно авторитарному пониманию в Третьем рейхе, «в уголовном праве речь должна идти не о защите прав индивида от государства, а о защите государства от индивида»³², не «о единообразном установлении закона, а о материальной справедливости»³³. Подобная «справедливость» опиралась на те «новации» в уголовном праве, о которых было сказано уже выше. К. Шмит отмечал в связи с упреками об утрате в результате этого правовой безопасности (принципа правового государства), что «нормативизация и процессуализация означают связанность фюрера в угоду неповинующихся». Нацистское уголовное право развивало далее мысль о «невозможности охвата всех составов преступлений отдельными нормами закона». Поэтому делался далее вывод: «необходимо отказаться от детализации отдельных составов преступлений, а при помощи нескольких общих принципов показать судье основные направления, согласно которым следует понимать состав уголовно наказуемого деяния»³⁴. Была заменена также установка, завоеванная в ходе первых буржуазных революций: «разрешено то, что не запрещено», на формулировку — «что не разрешено, запрещено». Уголовное право было фактически превращено в «боевое право», которое было призвано «не бороться с противниками нацистского режима, а уничтожить их»³⁵.

Правовые идеологи нацизма в сфере уголовного права не обошли своим вниманием и институт уголовного наказания. Упор здесь был сделан

³⁰ Gesetz v. 28.06.1935, RGBL., I. S. 839.

³¹ Der Weg des deutschen Juristen. In DRIZ, 1934. S. 693.

³² Gerland H. Neues Strafrecht. In DRIZ, 1933. S. 860.

³³ Freisler R. Der Wandel der politischen Grundanschauungen in Deutschland und sein Einfluß auf die Erneuerung von Strafrecht, Strafprozess und Strafvollzug. In: DRIZ, 1935. S. 1251.

³⁴ Brinkmann W. Die Parteigerichte als Schrittmacher einer Volkstümlichen Strafrechtspflege. In DRIZ, 1935. S. 231.

³⁵ Freisler R. Das neue Strafrecht als national-sozialistisches Bekenntnis. In: F.Gürtner, Freisler R. Das neue Strafrecht, 1936. S. 134.

на то, что в первую очередь в приговоре должна звучать мера наказания, связанная с поражением в правах, т.е. мера, позорящая честь немца как гражданина. Тем самым приговор в уголовном деле должен быть «нравственным приговором в отношении убеждений соотечественника»³⁶. Однако такой приговор для осужденного не заключался только в бесчестии, т.е. утрате основных гражданских прав. Он означал и крайне негативные юридические последствия, связанные с неизбежными потерями материального, организационного и личного характера, фактически определяя запрет в последующем стать главой крестьянского хозяйства, менеджером, доверенным лицом, опекуном, попечителем, адвокатом, заседателем в суде, военнослужащим и т.д. Г. Дам требовал даже такого порицания в приговоре, которое оканчивало бы пребывание осужденного в статусе субъекта права, т.е. лишение правосубъектности³⁷. По его мнению, такое лицо не смело впредь выступать в гражданском правовом поле и даже его права как члена семьи подлежали прекращению. «Искупление» вины должно было практиковаться крайне редко.

Наука уголовного права и процессуальное право, по мнению правовых идеологов нацизма, должны были в судебном процессе делать упор не на то, нарушил ли подсудимый закон, а на то, «принадлежит ли преступник ещё к сообществу немцев или нет»³⁸, поскольку уголовный процесс должен быть отбором типов в зависимости от их ценности для общества»³⁹. Тем самым примечательной особенностью национал-социалистической теории уголовного права было акцентирование внимания суда на «личности преступника», а не на совершённом им деянии. Всё это нашло своё закрепление в законах и правовых предписаниях. Причём эти уголовные законы в определении тяжести наказания, почти без исключения предусматривая смертную казнь, исходили из принципа: убийцей не становятся, убийца тот, кто убил, что означало чисто формальный подход без всякого выяснения социальной, а также субъективной сторон дела.

Широкое распространение в судебной практике ещё Веймарской республики получило так называемое «телеологическое» толкование права, т.е. уяснение и разъяснение целей принятия нормы права. Оно применялось судьями при рассмотрении уголовных дел в отношении национал-социалистов в их пользу, в том числе в 1923 и 1930 гг. в отношении самого А. Гитлера. Такое толкование практиковалось и в Третьем рейхе.

Концепции, доктрины юриспруденции учёных-теоретиков Третьего рейха как регулятивная роль реакционной юридической науки национал-социализма стали составной частью нормотворчества: нормативно-правовых актов, кодексов, судебных прецедентов, в широком плане — юридической практики.

По своей сущности национал-социалистическая уголовная юстиция представляла собой правосудие и законодательство, адаптированные под интересы самых реакционных кругов германской финансовой олигархии и её поделщиков, объединённых в национал-социалистическую партию.

Уголовная юстиция образовала существенную составную часть нацистско-фашистской террористической системы. И хотя доля уголовной юстиции во всем объёме нацистско-фашистского варварства составляла

³⁶ *Schaffstein F.* Ehrenstrafe und Freiheitsstrafe. In: DSTR, 1934. S. 181.

³⁷ См.: *Gemeinschaft und Strafrecht.* 1935. S. 9.

³⁸ См.: *Dahm G.* Die Erneuerung der Ehrenstrafe. In: DRIZ, 1934. S. 826.

³⁹ *Ebenda.* S. 831.

лишь какую-то часть, её жестокость и размеры пагубности нанесли исключительный ущерб человеческой цивилизации.

В практике германских судов смертная казнь в приговорах стала ординарной формой наказания. В 1944 г. она была предусмотрена более чем за 40 составов преступлений. Общее число вынесенных в период фашизма смертных приговоров составляет около 80 тысяч⁴⁰. Из них 80% были приведены в исполнение.

Без сомнения, буржуазная либерально-демократическая законность разрушается не только в результате открытого террора, голого насилия, но также и в результате завуалированного террора в лице германского правосудия. При этом, как было показано в предшествующем изложении, фашистский террор ломал существующие и унаследованные им законы. Террористический произвол в широком плане осуществлялся как за пределами нормативного регулирования, так и в его рамках. Да и правом все нормотворчество фашистского государства даже с натяжкой, даже с закавычиванием никак нельзя назвать. Ведь даже современный правовед Германии Б. Рютерс говорит о фашистском праве, как о «праве, лишённом права», т.е. лишённом сущностного содержания — свободы, справедливости, равенства, нравственности, гуманизма — основных прав человека и гражданина⁴¹. А это — уже не право с его общечеловеческими ценностями, а голый произвол, беззаконие, оформленное в виде закона, т.е. юридический позитивизм.

Уголовные законы германских фашистов в соответствии с заложенными в них намерениями, волей носили характер, отрицающий самые элементарные права человека⁴². Они были направлены на обеспечение насаждения в массах преступной идеологии. Как специфическое средство государственных репрессий, они были нацелены в особенности на то, чтобы упрочить господство насилия, подчинить всю общественную жизнь контролю национал-социалистической партии, парализовать волю и личные свободы индивида, путем угроз драконовским уголовным наказанием подавить любое сопротивление. Прежде всего они были направлены на то, чтобы иметь возможность «законно» уничтожить политических противников.

Вместе с тем целенаправленность уголовно-правовых нормативных актов предусматривала превращение уголовной юстиции в «управляемую» юстицию, а также ограничение компетенции и монополии судов на осуществление правосудия в пользу гестапо и создание чуждых юстиции институтов с компетенцией уголовной подсудности в лице СС и полицейских судов. Так, действие судов общей юрисдикции в концлагерях было исключено действием собственной подсудности СС. Это было ведомственно решено высшим руководством СС, и никто не посмел опротестовать подобного беззакония. Кстати, и создание так называемого «народного суда», особых судов и военно-полевых судов — все это было грубейшим нарушением ст. 105 Веймарской конституции, запрещавшей создание «исключительных судов», а также «изъятие обвиняемого, подсудимого из ведения своего законного судьи».

⁴⁰ См.: Braunbuch Kriegs und Naziverbrecher in der Bundesrepublik. Berlin, 1965. S. 113.

⁴¹ См.: *Rüthers B.* Entartetes Recht. Rechtslehrer und Krowuristen im Dritten Reich. München. Beckverlag, 1988. S. 151.

⁴² См.: *Соколов А.Н.* Указ. соч. С.117.

В целом же, как свидетельствуют прогрессивные юристы Германии, «ядром национал-социалистической теории права является абсолютное отрицание общеобязательной силы закона». Главную же целенаправленность процесса извращения, выхолащивания права четко выразила одна из молодых восходящих звезд национал-социалистической юриспруденции Ф. Шафштат. «Почти все теоретические положения, понятия и различия нашего нынешнего права, — утверждал он с пафосом, — пропитаны духом свободолобия и поэтому нуждаются в переформировании и преобразовании на основе нового мышления и практики»⁴³.

Тем самым такие разнообразные «научные» начала, разработанные консервативной юриспруденцией Германии в 20–30-е гг. XX в., как «учение о типе преступника», «материальное понятие преступления», судебское усмотрение в результате конституирования понятий о «здоровом чувстве народа», о «руководящей идее» уголовного кодекса, придание обратной силы закону, введение института аналогии права и закона в уголовном праве и некоторые другие создали инструментарий для искривления права и юридически обоснованного убийства. Признание же такого понятия, как «необходимая оборона государства» в качестве основания оправдания нарушения законов позволило оставлять безнаказанными даже самые тяжкие преступления, вплоть до политических убийств.

Фактически же все теории национал-социалистической юриспруденции похоронили понятие либерально-демократического правового государства. В этом немецкая юриспруденция того времени была едина. По ее мнению, ведущие принципы «разлагающегося буржуазного правового государства» — демократия, свободы, равенство перед законом и плюрализм мировоззрения — были «чужды нашему, немецкому мировоззрению, выступали против него и были омерзительны»⁴⁴.

Таково истинное «лицо» «правовой» культуры фашистской формации. И это следует помнить всем.

⁴³ Politische Strafrechtswissenschaft, 1934. S. 26.

⁴⁴ Forsthojf E. Der totale Staat, 1933. S. 26; Finke E. Liberalismus und Strafverfahrensrecht, 1936. S. 18.